

Восстание Степана Разина в трактовке и оценке советских историков 20-х — начала 30-х годов XX в.

© В.А. Волков^{1,2,3}, В.Ю. Захаров^{1,3,4}

¹МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

²Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова,
Москва, 101000, Россия

³Московский педагогический государственный университет,
Москва, 119435, Россия

⁴Московский авиационный институт, Москва, 125993, Россия

Рассмотрены особенности раннего этапа советской историографии 1920-х — начала 1930-х годов, посвященного изучению народного протестного движения под руководством С. Разина. Проанализированы работы известных и малоизвестных историков, занимавшихся изучением этой темы: Н.А. Рожкова, М.Н. Покровского, Н.Н. Фирсова, В.М. Фирсова, В.И. Пичеты, Г.В. Ладохи, Б.Н. Тихомирова, С.Г. Томсинского и др. Дана общая характеристика их концепций, выявлены достоинства и недостатки работ, их вклад в развитие отечественной историографии разинского движения. Сделаны выводы об общем направлении развития историографии протестного движения под руководством С. Разина, стремлении выявить объективные предпосылки этого движения, прежде всего в социально-экономической плоскости, чего не было в дореволюционной историографии. Отмечено, что историки 1920-х — начала 1930-х годов выдвинули целый ряд предположений и гипотез, представляющих интерес для отечественной науки, однако при этом недостатками их работ было применение конъюнктурного подхода, а также то, что они исходили из догматически понятых и вульгаризированных марксистских построений, отличались явным осовремениванием и идеологизацией при оценке сущности описываемых событий.

Ключевые слова: С. Разин, историография разинского движения, 1920–1930-е годы, крестьянские войны, казачье-крестьянская революция, школа Покровского

Данная статья является продолжением статьи [1], в которой были проанализированы особенности дореволюционной историографии о протестном народном движении под руководством Степана Разина. Было отмечено, что дореволюционные историки в основном придерживались ангажированной продворянской позиции в оценке причин и сущности этого движения, рассматривая его как стихийное и примитивно-разбойное, что нашло отражение в соответствующей терминологии («разинщина») с явно негативным оттенком. Восстание (бунт) Степана Разина исследовалось односторонне, исключительно с проправительственных позиций, объективный анализ причин этого движения не был проведен даже в трудах таких корифеев жанра, как С.М. Соловьев

и Н.И. Костомаров. Проанализируем, какие изменения в изучении протестного движения Степана Разина произошли после 1917 г., стало ли оно более объективным.

Интерес к народным антиправительственным движениям, в том числе и разинскому, многократно возрос в советское время. Связано это было с толкованием казачьего бунта и действий казачьих войск на Волге и в других частях Русского государства как наглядного примера *проявления классовой борьбы* в высшей ее форме в допролетарский период в русском освободительном движении, т. е. в форме крестьянской войны, а порой и как *«крестьянской революции»* (такое определение использовалось до середины 1930-х годов). Пытаясь обосновать данную терминологию, Борис Николаевич Тихомиров писал: «Нам думается, что этот термин (“крестьянская революция” — примеч. авт.) не менее законен, чем и термин “крестьянская война”, так как он знаменует собой факт необычайно острой и широкой гражданской войны крестьянства против землевладельцев-крепостников. Некоторые пытаются противопоставить два термина. Но это неправильно» [2, с. 17]. Утверждение довольно спорное, но оригинальное. Отметим другое обстоятельство, повлиявшее на изучение Разинского движения. Им стала публикация в журнале «Молодая гвардия» (1926) сочинения Карла Маркса, посвященного восстанию. Написано оно было на основании собственноручно законспектированной монографии Н.И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» [3, с. 104–125]. Публикатор этой работы Давид Борисович Рязанов подчеркнул: «Маркс отбросил сразу все, иногда весьма пошловатые, выпады Костомарова против Разина, только отчасти объясняющиеся необходимостью подчеркнуть верноподданническое возмущение таким “извергом рода человеческого”» [3, с. 105]. С наблюдением Рязанова следует согласиться: Маркс действительно творчески переработал монографию Костомарова, интуитивно исправляя его довольно спорные оценки и суждения. Тем не менее, само сочинение основоположника научного коммунизма также содержит весьма спорные суждения. Например, явным преувеличением выглядит утверждение, что «в половине XVII века казачество охватывало более чем пол-Руси». И ниже, на той же странице: казачество «было не новым жизненным началом, а чем-то отсталым, устаревшим. Оно не могло произвести ничего, кроме мимолетной, как метеор, эпохи Стеньки Разина, не могло проложить нового пути для русского народа» [3, с. 109]. Иногда Маркс противоречит сам себе. Так, атаман Корнила Яковлев у него то «старый заслуженный воин, принадлежавший к партии знатных; он удерживал казаков в верности к царю и в повиновении закону; он пользовался такой хорошей репутацией, что получил доступ в “казачий круг”», то «старый филистер и лицемерный плут» [3, с. 119, 124]. Несмотря на это, основные этапы и события Разинского восстания прослежены автором достаточно точно. Естественно, советские историки

учитывали и использовали работу основоположника марксизма как руководство к действию, но, к сожалению, относились к ней не критически. Хотя стоит отметить, что в той обстановке такой возможности не было.

Итак, точки над «і» были вроде бы расставлены, но в первые после-революционные годы в оценке и самого Разина, и возглавленного им восстания наблюдалась некоторая *двойственность*, исходившая из осторожного и даже опасливого отношения к теме казачества, воспринимавшегося как сила стихийная, разрушительная и, главное, враждебная интересам собственно трудового народа. Во многом такой подход проистекал из закрепившихся в исторической науке утверждений С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова и других маститых историков XIX — начала XX в., а также из контекста событий Гражданской войны, в которой казачество в целом выступало как контрреволюционная сила.

Рассмотрение темы в ранней советской историографии следует начать с работ Николая Александровича Рожкова, историка, ученика В.О. Ключевского, по политическим воззрениям меньшевика. Сначала он оппонировал В.И. Ленину, но затем признал свершившееся и работал на новую власть. В своем многотомном труде «Русская история в сравнительно-историческом освещении» Рожков закономерно затронул историю восстания Разина. Для него это было выступление казачьей гольтыбы, «бунт, прямое продолжение восстания Болотникова, направленный против крепостного права и государства и во имя казацкого идеала» [4, с. 171, 313–314]. Проявлением классовой борьбы движение С. Разина он не считал. Чего-то принципиально нового в изучение этой темы Рожков не внес. Впоследствии официальной советской наукой, считавшей Разинское восстание очередной (второй) крестьянской войной, точка зрения Рожкова отвергалась и осуждалась как «неправильная и антимарксистская» [5, с. 12, 13].

Еще один профессиональный историк Михаил Николаевич Покровский, бывший однокурсником Рожкова, также увлекся социал-демократическим учением, но стал не меньшевиком, а большевиком-ленинцем. После Октября 1917 г., закрепив за собой позицию ведущего историка-коммуниста, Покровский стал разрабатывать свои оригинальные трактовки прошлого нашей страны, в том числе донского казачества. Михаил Николаевич видел в них не беглецов, не подчинявшихся московским властям, а «элемент русского крестьянства и мелкого городского населения, который эмигрировал за рубеж, но периодически пытался вернуться в то общество, которое вытеснило его из себя, и преобразовать это общество по-своему — особенно характерно это у Разина» [6, с. 112]. В другой своей работе возглавленный этим казачьим атаманом бунт автор определял как «крестьянско-казацкое восстание» (и даже «крестьянско-казацкую революцию»), причем более казацкую,

чем крестьянскую. Покровский подчеркивал, что это восстание «непосредственно связано с развитием торгового капитала. Его театром было Поволжье, как раз те места, по которым пролегал самый главный торговый путь Московской Руси — Волга, связывающая Московский край с Персией, откуда получались самые ценные восточные товары, с большой выгодой перепродаваемые потом царскими гостями в Западную Европу, английским и голландским купцам в Москве и в Архангельске. Вдоль этого торгового пути скопилось множество безземельного люда — грузчики, бурлаки, всевозможные мелкие торговые служащие, а затем просто мелкие торговцы и ремесленный люд» (своего рода предпролетариата) [7, с. 60, 61]. Они стали преданными приверженцами и основной движущей силой народного движения С. Разина, который был, по сути, наследником Ивана Болотникова, как особо подчеркивал Покровский.

Таким образом, в отличие от Н.А. Рожкова, оценка М.Н. Покровским движения С. Разина отличалась оригинальностью и претензией на концептуальное осмысление с марксистских позиций, согласно которым причины любого исторического явления или процесса следует искать прежде всего в социально-экономической сфере. Покровский создал концепцию «торгового капитализма», который якобы развивался в России чуть ли не с XV–XVI вв., как и в Западной Европе. Народные антиправительственные движения XVII в. (под руководством И. Болотникова, С. Разина, городские восстания, стрелецкие бунты) он рассматривал в русле магистральной борьбы торгового капитализма с отсталым феодальным правительством, считая их чем-то вроде протобуржуазных революций. Отсюда термины «крестьянско-казачья революция», «крестьянская революция», выдвинутые именно Покровским и его учениками. Поэтому движение под руководством Разина оценивалось как протобуржуазная народная революция. С позиций современности, конечно, очевидно, что Покровский занимался модернизацией и вульгаризацией сложных социально-экономических процессов, пытался искусственно «подтянуть» социально-экономические отношения в средневековой России до западноевропейского уровня. Впоследствии в 1930-е годы школа Покровского была объявлена псевдомарксистской и ненаучной. Но в 1920-е годы она была господствующей в молодой советской историографии, и большинство историков были вынуждены приспосабливаться к построению школы Покровского. Тем не менее, заслуга Покровского заключается в том, что в отличие от дореволюционных историков он попытался выявить объективные причины движения Разина, рассматривая их прежде всего в социально-экономической плоскости. Что из этого получилось — уже другой вопрос.

Проанализируем теперь работы других историков 1920-х годов. Видный исследователь народных движений XVII столетия Николай

Николаевич Фирсов обратился к восстанию Степана Разина еще до революции. Первое издание его книги «Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни» было выпущено еще в 1910 г. [8]. Третье и четвертое — уже после революции в 1920 г. В этой и других своих работах исследователь не раз обращался к теме народного бунта 1670–1671 гг. [9–12]. Николай Николаевич считал казачество главной движущей силой восстания Разина. В его трактовке голутвенные казаки — это «московские эмигранты — холопы и крестьяне». Приток их на Дон придал этому слою казачества «крестьянский характер» [11, с. 76]. Тем не менее, они пользовались поддержкой и в «казацко-буржуазной среде» (термин Н.Н. Фирсова), из которой, как указывает автор, вышел Степан Разин, старый «значный» казак [11, с. 77]. Это странным образом сочеталось со стремлением к «своеобразному примитивному коммунизму» [9, с. 119]. При этом «голутвенные элементы... шли впереди всего простого народа, являясь наиболее радикальными сторонниками уравнительного казацкого строя жизни» [10, с. 36, 37]. Свои порядки донцы также попытались распространить на территории захваченных ими уездов.

Итоговой работой Фирсова стала статья для «Энциклопедического словаря Гранат» (1931). В ней Николай Николаевич, помимо прочего, попытался объяснить, почему Разин не поддавался искушению самозванчеством. Степан Тимофеевич, по мнению автора, «имел свой собственный вес, пользовался среди масс слишком большой славой, чтобы для большого предпринятого им дела исчезнуть в чужом имени; авторитет его был настолько велик, что фактически он сам являлся царем всего черного народа» [13, с. 488].

В целом Фирсов, несмотря на многочисленность специальных работ именно по тематике разинского движения, в отличие от Покровского, не создал какой-то особой концепции. Его работы носили в основном фактологически-описательный характер, им не хватало проблемности и концептуальности. Кроме того, во второй половине 1920-х годов Фирсов явно оказался под влиянием концепции Покровского, что нашло отражение в названии его работы 1927 г. («Крестьянская революция на Руси в XVII веке»). Хотя нельзя исключить, что он сделал это по конъюнктурным соображениям.

Следует отметить, что ученик Фирсова Евгений Иванович Чернышев был более чем критично настроен к трудам своего наставника, который, по его словам, «с особенным расположением к личности Разина указывает, как он был ослеплен богородицей..., как дружил с духовниками», приписывая Степану Разину свойства вплоть до разбойнических, с чем Чернышев был, естественно, не согласен и потому полагал, что работы Фирсова после 1917 г. стали «анахронизмом, фальсифицирующим образ народного героя...» [14, с. 177].

Историей восстания 1670–1671 гг. заинтересовался современник и по странной прихоти судьбы однофамилец Николая Николаевича Фирсова Владимир Матвеевич Фирсов, автор книги «Стенька Разин — вольный атаман» (1919). Ряд оценочных суждений в его научно-популярной работе носил оригинальный характер. В качестве примера приведем одну цитату: «Как ни велик, как ни могуч был Стенька, но восстание делал не он, делали его сотоварищи, его “работнички” и “помощнички”. Пока он умел ладить с ними, он был их начальником, не сумел бы и пришлось бы ему сложить свою голову не от руки палача, а от собственных товарищей. Их послушание, их верность ему тем и объяснялась, что он сумел так хорошо и просто высказать их мысли и делать то, что они хотели. Попробовал бы не давать им “дуванить”, то есть попросту грабить, не давал бы он вешать воевод, не долго признавали бы они его вождем своим» [15, с. 41, 42]. Несомненно, любой стихийный народный бунт чреват дикими эксцессами, разрушениями и злодействами, но считать вождя восстания марионеткой основной массы мятежников, заложником их желаний и стремлений вряд ли стоит. В военной иерархии казачества атаманы, особенно в походах, имели огромные полномочия и возможности карать непокорных. Современный исследователь Т.Б. Щепанская писала, что они обладали «ярко выраженной единоличной властью, вплоть до распоряжения жизнью и смертью своих собратьев» [16, с. 232]. На значительные властные prerogatives донских начальников указывал и Н.А. Мининков: «Атаман, в пределах имеющихся у него в соответствии с казачьими традициями полномочий умел действовать весьма решительно» [17, с. 243]. Без лидерских качеств, умения командовать и возможности подчинять себе войско ни одно военное предприятие казаков не имело бы успеха.

Приведем еще одно сомнительное утверждение В.М. Фирсова (кстати, воспроизведенное им не раз): войско Разина состояло из служилых людей, а не тружеников. Более того, по его мнению, «среди восставших не было даже просто людей, привыкших трудиться» [15, с. 45]. Автор ошибается, так как в Русском государстве XVI–XVII вв. трудиться приходилось даже стрельцам, занимавшимся ремеслами и промыслами в мирное время. Вольные казаки не часто ходили «за зипунами», и хотя земледелие у них тогда не распространилось, но коневодство, рыболовство, соледобыча, изготовление и починка оружия, снаряжения, утвари, стругов требовало серьезных трудозатрат.

Так же как и Владимир Фирсов, не обольщался сознательностью казаков Михаил Яковлевич Феноменов. Впрочем, он видел в них военных организаторов крестьянских восстаний. Но, касаясь участия донских казаков в движении под руководством Разина, Феноменов утверждал, что их революционное творчество ограничивалось якобы «дуваном», а в случае победы они сами могли превратиться в помещиков — все ограничилось бы «перемещением, так сказать, жителей нижнего

этажа в верхний и обратно». Более того, предводители восставших сохранили бы феодализм, монархию, религию и церковь [18, с. 135–140].

Это оригинальное и интересное утверждение нашло отражение и продолжение в советской историографии народных движений в последующий период (например, путем проведения аналогий с крестьянскими восстаниями в средневековом Китае). По мнению авторов настоящей статьи, вопрос о конечных целях разинцев до сих пор остается нерешенным и дискуссионным. Сохранилось слишком мало источников из повстанческого лагеря, чтобы можно было сделать обоснованные выводы о том, что произошло бы в стране в случае их победы. В отношении Е. Пугачева и его окружения, судя по их поведению и лозунгам, такой исход, хотя бы частично, был вероятен (принятие Пугачевым имени Петра III, наделение его ближайших сподвижников дворянскими титулами, частичное воспроизведение прежней структуры управления и т. д.). Но в отношении Разина вряд ли. Во всяком случае, на временно подконтрольных ему территориях не предпринимались попытки скопировать или сохранить прежнюю систему управления, скорее наоборот, вводились казацкие «круги», выборность руководителей и т. д.

Значительный вклад в изучение народного движения С. Разина внес ленинградский историк и правовед Сергей Иванович Тхоржевский, автор книги «Стенька Разин» (1923). Из оригинальных идей необходимо отметить следующее. Он полагал, что представления об имущественном равенстве казаков ложны. И предводители восстания также не стремились к нему. Казаков он объявил рабовладельцами, продававшими захваченных пленных на невольничьих рынках. В то же время автор определяет движение Разина как «грандиозное» и «революционное». Он считал, что «успех восстания, вероятно, сделал бы Россию более буржуазной» [19, с. 127]. О самом Разине Тхоржевский писал как о человеке не просто проникательном, но и обладающим даром внушения, психологического воздействия на людей [19, с. 110–112].

Белорусский историк Владимир Иванович Пичета в книге «История крестьянских волнений в России» (1923), рассматривая народные выступления XVII столетия, пишет о Разинском мятеже, определяя его еще как «бунт» и связывая его начало с усилившимся закрепощением русских крестьян, которые бежали на Дон, переполнившийся «множеством пришлого населения, враждебного всякой домовитости, активного на наезд, грабеж, раз для этого были подходящие условия» [20, с. 34]. В то же время Владимир Иванович первым из историков отметил, что именно из-за умножения «голутвенных людей» возникает «в 1667 г. голод на Дону». В поисках выхода голытьба и старые казаки обратились к практике разбойных походов, отправившись за добычей на Волгу и в Персию под началом атамана Степана Разина — инициатора этого предприятия. В отличие от Н.И. Костомарова, В.И. Пичета отказывался видеть в нем сверхъестественные силы, в отличие от

Н.Н. Фирсова — «много нездорового, ненормального». Пичета пишет о том, что проявленная жестокость — «не только удел Разина, а обычное явление в ту эпоху». И ниже: «Влияние Разина на толпу совершенно понятно. Его деятельность отвечала надеждам возмущившегося люда, который с его именем соединял представления о грядущем социальном раскрепощении». После возвращения на Дон из Персидского похода Разин, по утверждению Пичеты, стал фактически казачьим диктатором. Едва ли не первым из историков Владимир Иванович обратился к деятельности Разина на Дону, считая, что в этой деятельности «чувствовался какой-то план, проходила какая-то идея». Атамандиктатор «отстаивал вольности Дона и боролся в этом направлении с московской администрацией». В отличие от Феноменова в монархические настроения Разина и его сподвижников (ими декларированные) Пичета не верил, полагая, что «в пылу социальной революции ... погибла бы и царская власть, и новые порядки и отношения были бы созданы помимо царской власти» [20, с. 35, 36]. Он впервые в историографии обратил внимание на участие в восстании «инородцев» — мордвы, чувашей, черемисов (марийцев), башкир, калмыков, а также отметил связь Разинского мятежа с Соловецким бунтом, волнениями на Слободской Украине, в Белгороде и Чугуеве [20, с. 37]. Именно в этих новых идеях заключается его вклад в изучение Разинского народного движения.

Сергей Митрофанович Дубровский в статье «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.» (1925) во второй части работы («Крестьянские революции XVII в.») обратился к восстанию Степана Разина. Как видим даже по названию этой части, Дубровский являлся сторонником концепции Покровского. Историк датировал восстание 1668–1670 гг. Локализуя восстание Нижней Волгой, Дубровский почти буквально воспроизвел аргументы Покровского. Он писал о наличии в этом регионе «массы ремесленников, бурлаков, которые на себе тащили баржи по Волге, и тому подобных бедняков». Вся эта «угнетаемая масса... прикнула к восстанию казаков» [21, с. 45, 46]. Сведения о самом восстании у Дубровского кратки и неинформативны.

В отличие от своих коллег Григорий Васильевич Ладоха, автор книги «Разиновщина и пугачевщина» (1928), высоко оценивал «стихийный социализм масс». Считал, что причины Разинского восстания коренились в условиях общественной жизни того времени [22, с. 5]. Он отмечал стремление крестьянства к капитализму, но капитализму, функционировавшему «не через крепостное хозяйство, а через вольное, крестьянское». В этом, как он полагал, заключалась слабость народного движения. Экономически переход к новой модели был возможен, но «общественное развитие не создало еще силы, которая сорганизовала бы крестьян для победы» [22, с. 35–37]. Вполне логично Григорий Васильевич отдавал лидерство в восстании казачеству. По словам Ладохи, «Кзаки были той силой, которая дала первый толчок к восстанию. Они

организовали раздробленное, распыленное крестьянское движение. Они были тем основным кадром восстания, без которого крестьянское недовольство расплылось бы в массу местных выступлений, не сливаясь в одно общее грандиозное восстание». Но, добавляет он, «без поддержки массы крестьянства казацкое движение не могло бы превратиться в революцию, оно осталось бы лихим разбойничьим набегом» [22, с. 20]. Все достаточно логично и убедительно, кроме характерной для того времени уверенности в революционности как казаков, так и крестьян. Несколько надуманными представляются некоторые смелые утверждения Ладохи. Во-первых, о *классовом характере* идеологии С. Разина и его сподвижников, стремившихся исключительно к освобождению «крестьян от крепостной кабалы и власти чиновников» [22, с. 33]. Ниже он еще больше развернул эту мысль, заявив, что «руководители движения и массы отчетливо сознавали *классовые* задачи — борьбу с боярами, дворянами и чиновничеством (приказными)» [22, с. 34]. Очень смелое утверждение даже для тех времен, когда пальма первенства в деле классовой борьбы отдавалась не крестьянству, тем более казачеству, а несформировавшемуся еще тогда пролетариату, причем пролетариату партийно организованному. Для XVII столетия высокое осознание «*классовых* задач» — дело невозможное, искажающее реальную ситуацию. Тем не менее, исследование Ладохи интересно стремлением к аналитическим выводам и широким обобщениям, хотя и не было свободно от влияния идеологической и политической конъюнктуры.

Еще один исследователь социальных бурь XVII в., уже упомянутый выше Борис Николаевич Тихомиров, вынужден был приспособливаться под существующие тогда идеологические установки. Он утверждал, что причины восстания проистекали из обострившейся борьбы двух форм торгового капитала: сложившегося в Московском государстве с конкурирующим с ним казачьим капиталом [2, с. 131]. Невозможно проверить искренность заявления автора, что «только М.Н. Покровский правильно поставил вопрос о разинщине как о крестьянской революции» [2, с. 8]. Интересно, что Борис Николаевич попытался определить лозунги, под которыми шла эта «крестьянская революция». По его мнению, «формула, принятая Разиным, значила: за царя, но против бояр. Жизнь добавила еще: и против помещиков вообще» [2, с. 104]. Есть еще одно высказывание Тихомирова, также выделенное им как очень важное: «Разинцы боролись не против господства частной собственности вообще, а против его определенной формы — крепостной системы, за свободное крестьянство, за господство мелкой собственности» [2, с. 101].

Не придавая определяющего значения территориальному делению казаков на «низовых» и «верховых» (сложившемуся к середине XVII в.),

Тихомиров заявлял, что определяющим было их разделение на «домовитых» и «голутвенных». При этом Борис Николаевич считал, что «днюжее» казачество и донская войсковая старшина являлись временными попутчиками крестьянской войны 1670–1671 гг., а вот голутва (голытьба) играла в ней ведущую роль [2, с. 109, 131, 132]. Причиной поражения стал «голод на Дону». Не сумев одолеть восставших оружием, власти стали действовать по-другому и гораздо эффективней. Борясь с мятежом, «царское правительство запретило вывоз хлеба на Дон, до тех пор, пока казаки “не отстанут от воровства”. Экономическая зависимость решила дело» [2, с. 35].

Интересно, что Тихомиров опроверг распространенное мнение о господстве раскольнической идеологии среди разинцев. Ссылаясь на книгу Василия Григорьевича Дружинина «Раскол на Дону в конце XVII в.» (1889) [23, с. 71], Борис Николаевич указывает, что видный старообрядец Иов Тимофеев основал свою пустынь возле Нижнего Чира только в 1672 г. [2, с. 106], поэтому влияния старообрядцев на разинцев быть не могло. По мнению авторов настоящей статьи, это довольно спорное утверждение. Отсутствие до 1672 г. на казачьих территориях постоянных поселений с компактным проживанием старообрядцев отнюдь не означает отсутствия их представителей среди восставших и возможности их идеологического влияния на С. Разина.

По мнению Б.Н. Тихомирова, контакт у восставших наметился не со старообрядцами, а с гонимым властями патриархом Никоном и его людьми. Тихомиров цитирует похвальбу разинцев, заявлявших, что «когда они возьмут Москву и побьют бояр», то посадят Никона вновь на патриарший престол, «а нынешнего де патриарха бранят они, воры, матерно. А Никон де патриарх к С. Разину на Дон писал, чтоб он, Стенька, собрался с воровскими казаками, шел на бояр в Москве...» [2, с. 106]. К сожалению, цитируя эти архивные записи, Тихомиров не приводит ссылок на конкретные фонды и дела. Полагаем, впрочем, что он с ними действительно работал. Следует отметить, что убежденность Б.Н. Тихомирова в наличии контактов восставших с опальным патриархом Никоном перекликается с информацией, приведенной знаменитым журналистом и бытописателем Москвы В.А. Гиляровским в очерке «Нечаянная радость», посвященном известному ученому, собирателю древних рукописей Елпидифору Васильевичу Барсову. Ссылаясь на устный рассказ Е.В. Барсова (который в свою очередь пересказал легенду, передававшуюся из поколения в поколение монахами Новоиерусалимского монастыря), В.А. Гиляровский рассказывает о тайной встрече С. Разина и Никона в 1667 г. в Новоиерусалимском монастыре и благословении на борьбу с царским режимом, которое якобы дал Никон [24, с. 462, 463].

Погрузившись в изучение проблем «Разинщины» (так он называл восстание 1670–1671 гг.), Борис Николаевич пришел к выводу, что

знаменитый атаман «не только не отрицал власть, а, наоборот, создавал ее, только в иной классовой форме». Историк указывал: «Не видно также, чтобы он (Разин — примеч. авт) и его товарищи были приверженцами коммунизма, хотя бы в форме коммунизма потребления. Дуван, правда, делился поровну, но атаманы, есаулы и особо отличившиеся получали больше “в почесть”». По Тихомирову, «принцип дувана указывает на признание частной собственности и никаких попыток использования добытых запасов коллективным путем мы не встречаем. Разин сам очень бережно относился к своим добыткам, которые еле уложились на 13 подводках» [2, с. 100].

Интересны выводы Тихомирова, которыми он заключает свою работу: «Поражение второй крестьянской революции необычайно усилило гнет реакции и реставрировало еще более упорно натуральные основы крепостного хозяйства... Поражение революции усилило крепостное право и повело к обнищанию крестьянства, а кое-где и к вымиранию...» [2, с. 138, 139].

В работе «Разинское движение на Слободской Украине» (1934) Тихомиров подробно реконструировал действия восставших на этой территории [25, с. 97–115]. Событиям тех лет посвящена его источниковедческая статья «Источники по истории разинщины» (1933) [26, с. 50–69].

В целом работы Тихомирова отличаются высоким профессиональным уровнем, использованием значительного массива источников, рядом интересных гипотез и суждений (о связях восставших с Никоном, об отсутствии коммунистической уравнительности в распределении добычи и др.). В то же время автор почему-то практически не использовал такие источники, как расспросные и пыточные речи схваченных участников восстания, хотя к тому времени они уже были введены в научный оборот. Кроме того, заметна конъюнктурность работ Тихомирова, явное подстраивание под «школу Покровского», что повлияло на объективность ряда выводов автора.

Рассмотрение результатов изысканий советских историков-разиноведов 1920-х — начала 1930-х годов невозможно без учета взглядов Семена Григорьевича Томсинского, отличавшихся новизной подхода и общей оригинальностью. Наиболее полно и четко свои представления о выступлении С. Разина он изложил в книге «Очерки истории феодально-крепостной России. Ч. 1. Крестьянские войны в эпоху образования империи» (1934). Непривычное название объясняется тем, что автор датировал образование Российской империи второй половиной XVI — началом XVIII в. Заявил Томсинский об этом сразу же во введении к своей работе, озаглавленном «От автора». Кроме того, Семен Григорьевич новационно объявил, что «превращение России в начале XVIII в. в обширную колониальную империю было возможно только после разгрома городских движений, разинщины, стрелецких восстаний и булавинщины» [27, с. 4].

Книга Томсинского интересна двумя оригинальными разделами:

1) небольшой главой (первой во второй части работы) «Восстание Степана Разина в литературе» [27, с. 144, 145];

2) более объемной и содержательной главой (второй в той же части) «Разинщина» [27, с. 150–195]. Она включала множество подразделов, своего рода параграфов, имеющих буквенные обозначения: «А» («Поход в Персию»), «Б» («Революционное движение в Симбирско-Нижегородском районе»), «В» («Революционное движение в Тамбовско-Пензенском районе»), «Г» («Революционное движение на Севере»), «Д» («Революционное движение в Слободской Украине»). Параграф «Е» («Тактика революционной армии») сводится к подпараграфу «Тактика главного штаба и местных армий». Есть и параграфы «Ж» («Военно-стратегические приемы «красных» и «белых»), «З» («Классовая стратегия революционной армии»), «И» («Тактика националов»), «К» («Борьба классов в городах»), «Л» («Поведение низового казачества»), «М» («Связь восставших с Никоном и раскольниками»). Несмотря на многообещающие названия параграфов, предполагавшие проблемный подход к изучению материала, реальные результаты его исследования, по мнению авторов настоящей статьи, оказались ниже ожидаемого. Они проясняли ход восстания только в частности, но при этом ошибочно интерпретировали события в соответствии с реалиями второй четверти XX в.

Впрочем, некоторые умозаключения Семена Григорьевича представляют интерес. В основном, конечно, историографический и полемический. Так, в параграфе «А» Томсинский обратил внимание на то, что каспийский рейд Разина, «имея много общего с обычными казацкими походами, характеризуется уже новыми чертами: казаки первоначально были намерены поселиться в Персии и перейти к земледельческой колонизации». И тут же предъясняется следующее умозаключение, исключаящее первое. Оказывается, «в лице персов они (Разин и его люди — примеч. авт.) искали нового союзника, так как надеялись поспорить Персию с Россией и Турцией». Видимо, сам Семен Григорьевич полагал, что казаки-налетчики все же надеялись вынудить персов пойти на союз с ними, но просчитались: «Персия, ведшая большую торговлю с Москвой и пользовавшаяся транзитной волжской дорогой, не хотела ссориться с Россией» [27, с. 152].

Параграфы «Б», «В» и «Г» информационно перенасыщены фактическим материалом, но аналитических умозаключений почти не содержат. Чуть интереснее параграф «Д». В нем Томсинский задался вопросом, почему восставшее донское казачество не получило никакой помощи от «украинцев» (запорожцев)? Результатом стал вывод: «Казацкая верхушка на Украине боялась не только своих, но и донских низов» [27, с. 172]. Вполне логичное утверждение, в отличие от информации,

представленной в параграфе «Е» (напомним, он озаглавлен «Тактика революционной армии»). Автор выдвигает одно смелое предположение за другим. Выясняется, что у восставших был разработанный план действий с целью разгрома «боярско-помещичьей Москвы» [27, с. 173]. Более того, по Томсинскому, восставшие использовали «тактику революционных комиссаров» [27, с. 174]. В чем она заключалась он, правда, не разъясняется. Упомянутая им ниже рассылка «разведчиков-агитаторов» с «прелестными письмами» таковой быть не может. Если с первым выводом еще как-то можно согласиться, то второй (о тактике революционных комиссаров) представляется модернизацией и вульгаризацией описываемых событий в духе все той же «школы Покровского».

Итоговым «открытием» Томсинского стало обнаружение предпролетариата — плебейщины — голытьбы, которая в районе среднего и нижнего Поволжье направила свой удар против всей системы общественных отношений» и «кулацкого крестьянства, действовавшего в верхнем Поволжье и приокском районе». Не менее смелым и спорным было утверждение, что главным устремлением «крестьянско-казацкой массы» было уничтожение «всего крепостнического строя» [27, с. 199].

Работа Томсинского, по мнению авторов настоящей статьи, представляет определенный интерес с фактологической точки зрения, но ей не хватает аналитичности, а ряд положений и выводов являются конъюнктурными и представляют собой модификацию концепции Покровского.

В начале 1930-х годов появились работы, посвященные *локализации восстания по отдельным местностям*, а также участию в нем *национальных меньшинств*. В некоторых из них поднимаются вопросы, оригинально и своеобразно характеризующие восстание рубежа 1660–1670-х годов в целом. Первые такие исследования появляются в 1930-е годы. Прежде всего следует упомянуть статью Газиза Салиховича Губайдуллина «Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII века» (1930) [28, с. 32–44].

Работа делилась на две части, озаглавленные «Участие татарских классов в “Смуте”» и «Участие татарских классов в “Разиновщине”». В ходе исследования автор пришел к выводу, что участие татарской бедноты в восстании было значительным и являлось естественным, так как ее положение было много худшим по отношению к русским крепостным людям и другим представителям социальных низов [28, с. 33].

Большой интерес вызывает статья Д.Е. Кравцова «Отголоски разинщины на Украине» (1934) [29, с. 77–99]. Автор полагает, что в указанные годы московские власти столкнулись не с казачьим бунтом или народным восстанием, а с настоящей «казацко-крестьянской революцией», которая охватила не только Подонье, Поволжье, но и Слобожанщину, «перебрасываясь постепенно то на Запорожье, то на Левобере-

режную и даже Правобережную Украину» [29, с. 77]. Контакты с украинской старшиной налаживались не просто. Сначала гетман Петр Дорошенко не очень доверял Разину, приглашая его к себе в Чигирин и отказываясь встречаться в другом месте. Потом взаимопонимания все же удалось достичь. По мнению Д.Е. Кравцова, Степан Разин не очень хотел идти на Волгу, удаляясь от своего союзника. Но игнорировать стремление его войсковых товарищей повторить успех прошлого похода не мог [29, с. 88]. Тем не менее, отдельные его отряды действовали на Слободской Украине. Но, несмотря на установившиеся контакты с П. Дорошенко, больших успехов в Приднепровье восставшие не достигли. Повлияла позиция казачьей старшины, не собиравшейся опираться на социальные низы. При этом, как утверждал Д.Е. Кравцов, гетман Правобережной Украины, даже став политическим союзником Разина, преследовал собственные цели — добивался восстановления «независимой, в крайнем случае автономной [Украинской] державы, но такой, где бы власть находилась только в руках лиц “высшей породы”» [29, с. 98]. Наоборот, на территории, охваченной «казацко-крестьянской революцией», сформировался новый класс, именуемый себя «черным народом». По мнению Кравцова, он составил «основную массу движущих сил казацко-крестьянской революции», являясь зачинщиком восстания, так удачно громившим более трех лет гарнизоны крепостей, часто выдерживая напор более многочисленного, к тому же хорошо вооруженного и безусловно лучше дисциплинированного царского войска» [29, с. 99]. Исследователь озаботился и периодизацией выявленной им «казацко-крестьянской революции». Как он полагал, «Разинское движение резко делится на два периода: первый период начинается в 1666 г. и оканчивается в 1669 г. и второй — начинается в 1670 г. и оканчивается в 1671 г.» [29, с. 78]. Впоследствии разделение разинского движения на два этапа стало общепризнанным, фигурировало на страницах почти всех учебников, но первым, кто выдвинул эту идею, был Д.Е. Кравцов.

Интересны выводы, сделанные Кравцовым в заключительной части работы. Автор, размышляя над причинами поражения восстания, полагает, что «отсутствие единой идеи у предводителей с массами и распыленность повстанческих сил во время движения на Волгу, потом на Дон и, наконец, на Украину были той причиной, которая свела в могилу прекрасно начатое, но печально окончившееся восстание казачества и крестьянства» [29, с. 99].

Интерес к сотрудничеству донских и приднепровских казаков не угаснет и позднее, проявившись уже в послевоенное время в трудах историков и краеведов, работавших в республиканских, краевых и областных научных и образовательных центрах как РСФСР, так и СССР.

С середины 1930-х годов приоритеты исторической науки в СССР заметно изменяются. В предвоенное и военное время востребованными

становятся совсем другие герои, не разрушающие, а оберегающие и спасающие Русское государство — Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. Новый подход был определен Постановлением Совета народных комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (от 15 мая 1935 г.) [30]. Но внимание к Разинскому восстанию сохранится. Однако плюрализм мнений исследователей сменится необходимостью изучать народное движение 1670–1671 гг. на основе рекомендаций партийных органов и исключительно как *Крестьянскую войну под руководством С.Т. Разина*. Интерес представляет выпущенный на основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) школьный учебник «Краткий курс Истории СССР» (под ред. профессора А.В. Шестакова) [31]. Он содержал целый раздел (VI), озаглавленный «Крестьянские войны и восстания угнетенных народов в XVII веке». Содержание главы 23 этого раздела («Война Разина с боярами и помещиками» [31, с. 52–54]) сформировало и надолго определило официальное отношение к данному народному движению, легло в основу других, в том числе и вузовских учебников.

Заметное влияние на отношение к разинскому и другим народным восстаниям оказали суждения И.В. Сталина на эту тему, высказанные им в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом, которая состоялась 13 декабря 1931 г. (первое большое интервью, которое советский вождь согласился дать иностранцу). На вопрос Э. Людвига «Интересовались ли Вы личностью Степана Разина? Каково Ваше отношение к нему как идейному разбойнику?», Сталин ответил достаточно развернуто: «Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства. Но, конечно, какую-нибудь аналогию с большевиками тут нельзя проводить. Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими “разбойными” и неорганизованными, как у Степана Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели.

Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за “хорошего царя”. Ведь таков был их лозунг...» [32, с. 111, 112].

Сталинское отношение к Разину и его движению надолго становится определяющим в советской исторической науке, даже после развен-

чания пресловутого культа личности. И изменится даже не в перестроечные, а в постсоветские времена.

Подводя итоги, следует отметить, что советская историография народного движения под руководством Разина 1920-х — начала 1930-х годов значительно отличалась от дореволюционной историографии. Были предприняты попытки выявить объективные причины этого движения, связав их с ужесточением крепостного права и развитием экономики. Однако советские историки раннего периода, отказавшись от проправительственного подхода и субъективизма, присущего историкам дореволюционного периода, ушли в другую крайность, увлекшись предельно обобщенными социологическими схемами в духе догматически понятого и вульгаризованного марксизма. Возобладала концепция Покровского, изображавшая движение Разина как протобуржуазное, как некую казачье-крестьянскую революцию. Она господствовала вплоть до начала 1930-х годов, и все историки, изучавшие разинское движение, были вынуждены под нее подстраиваться, исходя прежде всего из конъюнктурных соображений. В процессе изучения темы были сделаны интересные наблюдения и оригинальные выводы, особенно в работах Н.Н. Фирсова, В.И. Пичеты, Г.В. Ладохи, Б.Н. Тихомирова. Началось изучение темы о взаимоотношениях разинцев с нерусскими народами (работы Г.С. Губайдуллина и Д.Е. Кравцова). Однако в силу конъюнктурности их работ по-настоящему объективного анализа различных аспектов разинского движения не получилось.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Волков В.А., Захаров В.Ю. Восстание Степана Разина в трудах русских историков XVIII — начала XX в. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 1. EDN NYFASD
- [2] Тихомиров Б.Н. *Разинщина. Исторический очерк*. Москва, Ленинград, Государственное издательство, 1930, 144 с.
- [3] Маркс К. Стенька Разин. *Молодая гвардия*, 1926, № 1, с. 104–125.
- [4] Рожков Н.А. *Русская история в сравнительно-историческом освещении. В 12 т. Т. 4*. Петроград, Книга, 1923, 328 с.
- [5] Баранович А.И., ред. *Очерки истории СССР. В 9 т. Т. 6. Период феодализма. XVII век*. Москва, Изд-во АН СССР, 1955, 1032 с.
- [6] Покровский М.Н. *Борьба классов в русской исторической литературе*. Москва, Прибой, 1923, 138 с.
- [7] Покровский М.Н. *Русская история в самом сжатом очерке*. Москва, Ленинград, ОГИЗ — «Московский рабочий», 1931, 367 с.
- [8] Фирсов Н.Н. *Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни*. Москва, Вольф, [1910], 50 с.
- [9] Фирсов Н.Н. Крестьянские волнения до XIX в. О народных движениях в России в XVII в. *Исторические характеристики и эскизы. Т. 1*. Казань, Государственное издательство. Казанское отделение, 1921, с. 25–69.
- [10] Фирсов Н.Н. *Народные движения в России до XIX в.: Историко-социологические очерки*. Москва, Мир, 1924, 200 с.

- [11] Фирсов Н.Н. *Крестьянская революция на Руси в XVII в.: Исторический очерк*. Москва, Ленинград, Государственное издательство, 1927, 126 с.
- [12] Фирсов Н.Н. *Разин и разиновщина. Пугачев и пугачевщина*. Казань, Дом татарской культуры, 1930, 11 с.
- [13] Фирсов Н.Н. Разин и разиновщина. *Энциклопедический словарь Гранат*. Т. 35. Ленинград, 1931, стлб. 486–508.
- [14] Чернышев Е.И. *Народы Поволжья в Крестьянской войне под предводительством С. Разина (1670–1671 гг.)*. Казань, Татарское книжное издательство, 2020, 383 с.
- [15] Фирсов В.М. *Стенька Разин — вольный атаман*. Москва, Отделение издательства и книжной торговли Московского Совета Р. и К.Д., 1919, 46 с.
- [16] Щепанская Т.Б. Странные лидеры: О некоторых традициях социального управления у русских. *Этнические аспекты власти*. Санкт-Петербург, СПбГУ. Языковой центр, 1995, с. 211–240.
- [17] Мининков Н.А. *Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1961 г.)*. Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского университета, 1998, 510 с.
- [18] Феноменов М.Я. *Разиновщина и пугачевщина*. Москва, Новая Москва, 1923, 236 с.
- [19] Тхоржевский С.И. *Стенька Разин*. Петроград, Брокгауз-Ефрон, 1923, 132 с.
- [20] Пичета В.И. *История крестьянских волнений в России*. Минск, Белтрестпечать, 1923, 155 с.
- [21] Дубровский С.М. Крестьянские войны в России в XVII–XVIII вв. *Крестьянские войны. Сборник статей, посвященных крестьянским войнам*. Москва, Новая деревня, 1925, с. 45, 46.
- [22] Ладоха Г.В. *Разиновщина и пугачевщина*. Москва, Ленинград, Государственное издательство, 1928, 72 с.
- [23] Дружинин В.Г. *Раскол на Дону в конце XVII в.* Санкт-Петербург, Типография И.Н. Скороходова, 1889, 335 с.
- [24] Гиляровский В.А. «Нечаянная радость». *Собрание сочинений*. В 3 т. Т. 3. Москва, Инфосерв, 1995, с. 457–471.
- [25] Тихомиров Б.Н. Разинское движение на Слободской Украине. *Исторический сборник. Труды исторической комиссии АН СССР*, 1934, № 2, с. 97–115.
- [26] Тихомиров Б.Н. Источники по истории разинщины. *Проблемы источниковедения*. Москва, Ленинград, 1933, с. 50–69.
- [27] Томсинский С.Г. *Очерки истории феодально-крепостной России*. Ч. 1. Москва, Ленинград, Соцэкгиз, 1934, 306 с.
- [28] Губайдуллин Г.С. Несколько слов об участии татар в народных движениях XVII века. *Вестник Научного общества Татароведения*, 1930, № 9–10, с. 32–44.
- [29] Кравцов Д.Е. Отголоски разинщины на Украине. *Труды Института славяноведения АН СССР*. Т. 2. Ленинград, Издательство АН СССР, 1934, с. 77–99.
- [30] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*, № 113, 16 мая 1934.
- [31] Шестаков А.В., ред. *Краткий курс истории СССР*. Москва, Учпедгиз, 1937, 223 с.
- [32] Сталин И.В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. *Сочинения*. Т. 13. Москва, Государственное издательство политической литературы, 1951, с. 104–123.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Волков В.А., Захаров В.Ю. Восстание Степана Разина в трактовке и оценке советских историков 20-х — начала 30-х годов XX в. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 2. EDN VHBAZK

Волков Владимир Алексеевич — д-р истор. наук, профессор кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана; профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова; профессор кафедры «История России» Московского педагогического государственного университета. e-mail: lee8@mail.ru

Захаров Виталий Юрьевич — д-р истор. наук, заведующий кафедрой «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана; профессор кафедры «История России» Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры «История» Московского авиационного института. e-mail: vz1974@yandex.ru

Stepan Razin uprising in interpretation and assessment by the Soviet historians of the 20s and early 30s of the XX century

© V.A. Volkov^{1,2,3}, V.Yu. Zakharov^{1,3,4}

¹Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

²The Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture,
Moscow, 101000, Russia

³Moscow Pedagogical State University, Moscow, 119435, Russia

⁴Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, 125993, Russia

The paper considers features of the early stage of the 1920s — early 1930s Soviet historiography devoted to studying the peoples protest movement led by S. Razin. It analyzes works of the famous and little-known historians who studied this topic: N.A. Rozhkov, M.N. Pokrovsky, N.N. Firsov, V.M. Firsov, V.I. Picheta, G.V. Ladokha, B.N. Tikhomirov, S.G. Tomsinsky and others. The paper provides a general description of their concepts, and identifies advantages and disadvantages of their works, their contribution in developing domestic historiography on the Razin movement. It concludes on the general approach to developing historiography of the protest movement led by S. Razin, desire to identify the objective prerequisites of this movement, primarily in the socio-economic area not presented in the pre-revolutionary historiography. The paper notes that historians of the 1920s and early 1930s put forward a number of assumptions and hypotheses of interest to the Russian science. However, shortcomings of their works lied in using a conjuncture approach, as well as in the fact that they proceeded from the dogmatically understood and vulgarized Marxist constructions. They are distinguished by obvious modernization and ideologization in assessing the essence of the events described.

Keywords: S. Razin, Razin movement historiography, 1920–1930s, peasant wars, Cossack—peasant revolution, Pokrovsky School

REFERENCES

- [1] Volkov V.A., Zakharov V.Yu. Vosstanie Stepana Razina v trudakh russkikh istorikov XVIII — nachala XX vv. [Uprising of Stepan Razin in the works of Russian historians of the 18th — early 20th centuries]. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2025, iss. 1. EDN NYFASD
- [2] Tikhomirov B.N. *Razinshchina. Istoricheskiy ocherk* [Razin uprising. Historical essay]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe Izdatelstvo, 1930, 144 p.
- [3] Marks K. Stenka Razin. *Molodaya Gvardiya*, 1926, no. 1, pp. 104–125.
- [4] Rozhkov N.A. *Russkaya istoriya v sravnitelno-istoricheskom osveschenii* [Russian history in comparative historical light]. In 12 vols. Vol. 4. Petrograd, Kniga Publ., 1923, 328 p.
- [5] Baranovich A.I., ed. *Ocherki istorii SSSR. V 9 t. T. VI. Period feodalizma. XVII vek* [Essays on the history of the USSR. In 9 vol.s. Vol. 6. The period of feudalism. 17th century]. Moscow, AN SSSR Publ., 1955, 1032 p.
- [6] Pokrovskiy M.N. *Borba klassov v russkoy istoricheskoy literature* [Class struggle in the Russian historical literature]. Moscow, Priboy Publ., 1923, 138 p.

- [7] Pokrovskiy M.N. *Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke* [Russian history in the most concise outline]. Moscow, Leningrad, Ogiz — Moskovskiy Rabochiy Publ., 1931, 367 p.
- [8] Firsov N.N. *Razinovschina, kak sotsiologicheskoe i psikhologicheskoe yavlenie narodnoy zhizni* [Razin uprising as sociological and psychological phenomenon of the peoples life]. Moscow, Volf Publ., 1910, 50 p.
- [9] Firsov N.N. Krestyanskie volneniya do XIX v. O narodnykh dvizheniyakh v Rossii v XVII v. [On the people movement in Russia in the 17th century]. In: *Istoricheskie kharakteristiki i eskizy. T. 1*. Kazan, Gosudarstvennoe Izdatelstvo, Kazan Branch, 1921, pp. 25–69.
- [10] Firsov N.N. *Narodnye dvizheniya v Rossii do XIX v. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki* [Popular movements in Russia before the 19th century: Historical and sociological essays]. Moscow, Mir Publ., 1924, 200 p.
- [11] Firsov N.N. *Krestyanskaya revolyutsiya na Rusi v XVII v.: Istoricheskiy ocherk* [The peasant revolution in Russia in the 17th century: Historical essay]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe Izdatelstvo, 1927, 126 p.
- [12] Firsov N.N. *Razin i razinovshchina. Pugachev i pugachevshchina* [Razin and Razin uprising. Pugachev and Pugachev uprising]. Kazan, Dom Tatarskoy Kultury Publ., 1930, 11 p.
- [13] Firsov N.N. Razin i razinovshchina [Razin and Razin uprising]. In: *Entsiklopedicheskiy Slovar Granat*, vol. 35. Leningrad, 1931. Column 486–508.
- [14] Chernyshev E.I. *Narody Povolzhya v Krestyanskoy voyne pod predvoditelstvom S. Razina (1670–1671 gg.)* [Peoples of the Volga region in the Peasant War led by S. Razin (1670–1671)]. Kazan, Tatarskoe Knizhnoe Publ., 2020, 383 p.
- [15] Firsov V.M. *Stenka Razin — volnyi ataman* [Stenka Razin is a free ataman]. Moscow, Otdelenie Izdatelstva i Knizhnoy Torgovli Moskovskogo Soveta R. i K.D., 1919, 46 p.
- [16] Shchepanskaya T.B. Strannye lidery: O nekotorykh traditsiyakh sotsialnogo upravleniya u russkikh [Strange leaders: on some traditions of social management among the Russians]. In: *Etnicheskie aspekty vlasti*. St. Petersburg, SPbGU Yazykovoy Tsentr, 1995, pp. 211–240.
- [17] Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego Srednevekovya (do 1961 g.)* [Don Cossacks in the late Middle Ages (before 1961)]. Rostov-na-Donu, Rostovskogo Universiteta Publ., 1998, 510 p.
- [18] Fenomenov M.Ya. *Razinovshchina i pugachevshina* [Razin and Pugachev uprisings]. Moscow, Novaya Moskva Publ., 1923, 236 p.
- [19] Tkhorzhevskiy S.I. *Stenka Razin*. Petrograd, Brokgauz-Efron Publ., 1923, 132 p.
- [20] Picheta V.I. *Istoriya krestyanskikh volneniy v Rossii* [History of peasant unrest in Russia]. Minsk, Beltrestpechat Publ., 1923, 155 p.
- [21] Dubrovskiy S.M. Krestyanskie voyny v Rossii v XVII–XVIII vv. [Peasant wars in Russia in the 17th–18th centuries]. In: *Krestyanskie voyny. Sbornik statey, posvyashchennykh krestyanskim voynam*. Moscow, Novaya Derevnaya Publ., 1925, pp. 45–46.
- [22] Ladokha G.V. *Razinovshchina i pugachevshina* [Razin and Pugachev uprisings]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe Izdatelstvo, 1928, 72 p.
- [23] Druzhinin V.G. *Raskol na Donu v kontse XVII v.* [Split on the Don at the end of the 17th century]. St. Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1889, 335 p.
- [24] Gilyarovskiy V.A. “Nechayannaya radost” [Unexpected joy]. In: *Sobranie sochineniy* [Collection of works]. In 3 vols. Vol. 3. Moscow, Infoserv Publ., 1995, pp. 457–471.
- [25] Tikhomirov B.N. Razinskoe dvizhenie na Slobodskoy Ukraine [Razin movement in the Sloboda Ukraine]. In: *Istoricheskiy sbornik. Trudy istoricheskoy komissii AN SSSR*, 1934, no. 2, pp. 97–115.

- [26] Tikhomirov B.N. Istochniki po istorii razinshhiny [Sources on the history of Razin's uprising]. *Problemy istochnikovedeniya*. Moscow, Leningrad, 1933, pp. 50–69.
- [27] Tomsinskiy S.G. *Ocherki istorii feodalno-krepostnoy Rossii. Ch. 1* [Essays on the history of the feudal serfdom in Russia. Part 1]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1934, 306 p.
- [28] Gubaydullin G.S. Neskolko slov ob uchastii tatar v narodnykh dvizheniyakh XVII veka [A few words about participation of the Tatars in popular movements of the 17th century]. *Vestnik Nauchnogo Obshchestva Tatarovedeniya*, 1930, no. 9–10, pp. 32–44.
- [29] Kravtsov D.E. Otgoloski razinshhiny na Ukraine [Echoes of the Razin uprising in the Ukraine]. *Trudy Instituta Slavyanovedeniya AN SSSR. Vol. 2*. Leningrad, AN SSSR Publ., 1934, pp. 77–99.
- [30] Postanovlenie SNK SSSR i TsK VKP (b) "O prepodavanii grazhdanskoy istorii v shkolax SSSR" [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the teaching of civil history in schools of the USSR"]. In: *Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK*, no. 113, May 16, 1934.
- [31] Shestakov A.V., ed. *Kratkiy kurs istorii SSSR* [A brief history of the USSR]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1937, 223 p.
- [32] Stalin I.V. Beseda s nemetskim pisatelem Emilem Lyudvigom [Conversation with the German writer Emil Ludwig]. In: *Sochineniya* [Collection of works]. Vol. 13. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatelstvo Politicheskoy Literatury, 1951, pp. 104–123.

Volkov V.A., Dr. Sc. (History), Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University; Professor, The Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture; Professor, Department of Russian History, Moscow Pedagogical State University. e-mail: lee8@mail.ru

Zakharov V.Yu., Dr. Sc. (History), Head of the Department of History, Bauman Moscow State Technical University; Professor, Department of Russian History, Moscow Pedagogical State University; Professor, Department of History, Moscow Aviation Institute (National Research University). e-mail: vz1974@yandex.ru